89-е лето, 12-й день Силантдар

Посёлок Вираг

— Вон, посмотри… — произнёс мужской голос. — Вот же ироды проклятущие!

— Да тише ты, — зашипел женский, — и не суй туда свои грязные лапищи!

Ифимах скорчился от боли, когда что-то коснулось его раненого бока. Он раскрыл золотистые глаза и окинул встревоженные лица пожилых людей: женщины и мужчины. Они склонились над ним, перепуганно застыв.

— Кто вы? — просипел ас’гул. — Где я?

— Лежи и не дёргайся, — повелительно произнесла она, аккуратно раскрывая пальцами рану.
— Ну, чего ты ждёшь, старый ты хрен? Мажь уже!

Старик дрожащими руками, с опаской поднёс длинную палочку, конец которой был измазан зеленоватой гущей. Ифимах скривил нос от дурно пахнущей мази, но двигаться не стал, стараясь не навредить себе.

— Что это? — прохрипел ас’гул, пытаясь не глядеть вниз.

— Ты не бойся, — прошептала женщина. — Мазь это. Целебная мазь. Тебя жутко изранили и, если бы мой муж не встретил тебя едва живого на дороге — помер бы давно. Удивлена, что эта скотина хоть когда-то пригодилась, возвращаясь с очередной попойки!

— Ну Глобушка, — затараторил старик, — у соседа ведь день рождения…

— Знаем мы его дни рождения… Пятый раз за этот месяц! — отвлекаясь от раны, закричала женщина, размахивая окровавленным платком.

— О, Дорах… — Ифимах почувствовал недомогание, когда попробовал посмотреть вниз.
— Это… это что такое?

— Ничего страшного, — вдруг спохватилась Глоба. — Твои… кхм… кишочки. Мы их вправим и зашьём рану. Ой… он сознание теряет!

— Так проще будет… — послышались последние слова старика перед обмороком.

***

89-е лето, 13-й день Силантдар

Посёлок Вираг

Лучики света пробились через окно, касаясь болезненно красных век Ифимаха. Он не сразу пришёл в себя, но, когда окончательно очнулся, долго не мог понять, где находится. В лучах утреннего света, дом казался несколько иным.

Мутные воспоминания о прошедшей ночи и дне, который привёл его сюда, медленно закрадывались в голову.

— О, Дорах! — спохватился он. — Сколько я проспал? Надо торопиться! Скорее, не то опоздаю…

Он поднялся с кровати, но тут же упал на пол, скрутившись от резкой боли в боку. Разбитый о тумбочку нос излился кровавыми потоками. Ифимах тихо зашипел, но вновь предпринял попытку встать.

— Надо спешить!

В этот раз он всё же встал на ноги, и даже удержался. Покачиваясь из стороны в сторону, он двинулся к двери, протирая нос рукавом белой рубахи. В комнате за дверью его уже поджидала хмурая пухлая женщина, стоявшая у самого прохода. Подбоченившись, она глядела прямиком на него, нисколько не смущаясь, что тот в одной рубахе.

— И чегой-то мы встали?.. О божечки, что с твоим носом?! — вскричала она. — А ну живо вертайся в постель!

— Благодарю тебя за всё, добрая женщина, — поклонился Ифимах, — но я обязан уйти. Даже если за мной нет погони — время не ждёт, тем самым оборачиваясь против меня.

— Может, всё же приляжешь? — переменилась в лице Глоба. — Кровь остановим…

— Нет… Я должен уйти, — твёрдо ответил ас’гул. — Но сделайте для меня одно дело. Если вдруг заедет к вам однажды седовласый монах по имени Роберт, передайте ему: «Дейл — предатель».

— Но…

— Никто не должен об этом знать. Даже ваш муж. Прошу, сделайте это во благо всего мира, которому, по-видимому, скоро придёт конец.

Глоба испугано закивала, не отрывая синих глаз от мужчины. Ас’гул снял с крючка у двери свою камуфляжную одежду, с трудом натянул её и перекинув через плечо колчан с луком, вышел наружу. В лицо ударил яркий свет, на мгновение ослепляя. Резкий запах навоза и сена закрался Ифимаху в нос, но тот уже не обращал на эти мелочи внимания, удаляясь от низенького дома с покосившейся крышей.

Ифимах взглянул на небо. Ещё даже не полдень, а сердце его сжималось. Время неукротимо летело вперёд, но цель его была ещё слишком далека. Он шёл на северо-восток, ориентируясь по солнцу и высокому пику Алунур, что величаво поднимался над Северным Кряжем и укрывал собой Исгард от снегов, наступавших с Ледяных Пустошей.

***

— Ух, черти! — зарычал Роберт, проглотив очередную стопку с самогоном. — Ещё наливай!

Хозяин кабака с недовольным выражением лица пожал плечами, но налил алкоголь.

— Ты чё кривишься? — заметил это монах. — Помнишь ведь меня, так?

— Как тебя не помнить? — усмехнулся пузатый хозяин с лоснящимся лицом. — Ты ж гроза гоблинов и нежити! А ещё, как видно — пузыря.

— И что тут такого? — недовольно выпятил губы мужчина.

— А то, что я ещё сопливым юнцом старался брать пример с героя! А сейчас… сейчас мне противно смотреть на тебя в таком… свинском состоянии.

— Тебе, друг мой, не доводилось терпеть то дерьмо… фу, — он проглотил ещё одну стопку и выдохнул, — которое выдерживаю я на протяжении всей своей поганой жизни.

Хозяин промолчал, но лицо презрительно скривилось. Он быстрым шагом покинул зал, оставляя Роберта наедине с мыслями и орущими неразборчивые песни алкашами позади. Но,

как бы ему ни было противно то, что герой юношества сейчас был едва ли хмелей, чем самый пьяный посетитель кабака, хозяин всё же забрал деньги и удалился на кухню.

— Эй! — только и успел воскликнуть Роберт. — Эй! Налей ещё! Чёртов… ай, хрен с тобой.

Он отошёл от барной стойки и едва удержался на ногах, хватаясь за всё, что попадётся под руку. Словно лодка в море он покачался к выходу, опрокидывая стулья и порожние кружки за пустыми столами.

— С-с-слышь, — заикаясь, подпрыгнул один из пьянчуг, слегка задетый монахом, — ты м-м…

— Что тебе? — грозно глянул Роберт, скаля зубы.

— Н-ничего, и-идите своим путём, — запнулся тот, опускаясь обратно на стул.

— То-то же!

Роберт вывалился из дверей кабака, затуманенным взглядом окинул вечернюю улицу и десяток людей, сновавших туда-сюда, поглядывая на него. Мужчина свернул влево, напевая невнятную песню про неудачливого пингвина, который так и не смог взлететь. И пел он её так нескладно, что в голову закралась мысль, будто песни — это не его.

— А чьё? — тогда спросил он сам себя. — Чёрт его знает, но голос ужасный…

Он продолжал идти вперёд, не обращая внимания на образовавшихся из ниоткуда инквизиторов, которые искоса глядели на него после произошедшего в Веднусе. Они были готовы порвать его, но многих сдерживал указ Элендвала. Впрочем, не всех…

— Вот мы и встретились, — на середину дороги вышел один из инквизиторов, лицо его было изуродовано шрамом от ожога, а левая рука, предупреждая, лежала на рукояти меча.

— Встретились? — усмехнулся Роберт. — Да я тя даже не знаю!

— Я думаю, ты можешь узнать ожог на моём лице, оставленный после твоих проделок, проклятый изменник! — выкрикнул инквизитор, обнажая меч. — Ты изуродовал меня и моя цель — убить тебя!

— Не стоит тебе этого делать, — монах резко изменился в лице, но руки даже не дрогнули в сторону Бурана. — Я, может и пьян, однако оттого менее опасным не стал. Хотя… столько ведь лет прошло, — он рассмеялся.

— Это ты опасный? — гоготал инквизитор, его подхватила вся свора, выступившая из переулков. Медленно, но уверенно, они окружали Роберта. Острия мечей смотрели в его сторону.

— Ещё раз повторю, — чувствуя рокот трусливых сердец, произнёс монах, сохраняя полнейшее спокойствие. Однако мысли уже плели замысловатый узор обряда. — Не стоит этого делать. Иначе — конец вам.

— Нет уж. Смерть наших братьев и моё увечье так просто не сойдут с твоих рук! Убейте эту тварь, ребята, пусть поплатится за всё!

Первым бросился вперёд стоявший за спиной. Он попытался нанести сокрушительный удар, но руки Роберта опередили его и уже держали инквизитора за кисти. Послышался звонкий хруст, а следом душераздирающий визг падающего на колени мужчины. Он смотрел на вывернутые в обратные стороны руки и медленно терял сознание.

Ряды палачей на мгновение дрогнули, что дало Роберту огромное преимущество. Оттолкнув ногой наконец заткнувшегося инквизитора, он бросился на следующего, ударяя того под дых. Скрутившийся, он следом получил коленом в лицо, тут же умывшись кровью из вбитого в череп носа. Захлебнувшись, тот упал замертво, хватаясь за горло.

Наконец пришёл черёд меча. Буран выпорхнул из ножен и тут же распорол от плеча до бедра инквизитора с ожогом на лице. Месиво крови и внутренних органов рассыпалось по мостовой, заставив поскользнуться наступавших следом. Они попадали на задницы и тут же опомнились, оказавшись во внутренностях своего вожака.

Вонь и крики тут же разнеслись по полупустой улице. Даже самые свирепые попятились, но Роберт уже не мог остановиться. Полетели конечности, кишки рассыпались в разные стороны и спаслись только те, кто смог убежать подальше, сверкая пятками. Они убегали прочь, бросая оружие и цепи. Казнь не состоялась.

А Роберт стоял на месте бойни, тяжело дыша и восстанавливая повреждённую руку той магией, что сплетал за секунду до боя. Вены, так тщательно выпускавшие кровь, медленно стянулись, а следом и порез на руке. Вся эта волшба сказалась недомоганием и резкой болью в области груди, но через мгновение всё прошло. Как и эффект алкогольного опьянения.

— Чёрт… — подметив это, бросил Роберт. — Опять что ли пить?

***

89-е лето, 14-й день Силантдар

Лес Браувор

Ифимах опёрся о дерево на склоне. Рана сочилась, а сил держаться на ногах больше не было. Он шёл менее суток, но знал, что уже близок к цели. Оставался последний бросок, и он окажется у назначенного места.

По левое плечо, утопая в облаках, поднимался самый высокий пик Северного Кряжа — Алунур. По правое же, уходя далеко на юг, раскинулся лес — Браувор, славившийся своими разбойниками, грабившими караваны и обозы, осмелившиеся проехать мимо. Но, несмотря на высокий уровень бандитизма, вдоль леса росли посёлки и даже новые города. Впрочем, это было не так важно ас’гул, который иного не мечтает, как скончаться в тени леад Изумрудного Леса.

Солнце показалось над горизонтом. Оно пламенем залило леса и луга, отблеском рассыпалось по рекам и озёрам, пробуждая зверей и птиц. Ифимах, бледный, но всё ещё державшийся, болезненно взглянул вперёд, на поднимающийся диск. В душе его зародилась тревога — он боялся не успеть к назначенному сроку.

— Ещё чуть-чуть, — прохрипел ас’гул, отрывая окровавленную тряпку от раны. — Я знаю, ты там и ждёшь меня.

Он сделал шаг вперёд и оступился, кубарем покатившись вниз по склону. Остановилось падение лишь у ручейка. Больно ударившись спиной о камень, Ифимах скрутился от жжения в груди и почувствовал, как стало выпирать ребро под кожей.

— Аэл, лоанэд, — прошипел он после того, как кровью нарисовал на животе знак.

Послышался хруст вправляемых костей. Ифимах с воем выгнулся от боли, распугав птиц на ближайших деревьях.

— Поднимайся… ну же! — часто дыша, сказал ас’гул. — Ты должен успеть. Ещё чуть… ах.

Он медленно поднялся. Встал на ноги, но шаг не стал твёрже, а руки ослабленно повисли. Ифимах переступил через ручеёк, двигаясь вперёд. Иногда оступаясь, он падал на колени, но быстро вставал, продолжая движение.

Мысленно ас’гул всё убеждал себя. Заставлял и требовал послушания собственного тела. Но оно всё меньше слушало его, а меч, что болтался на поясе — становился всё тяжелее. И не будь он так важен, возможно, получилось бы скинуть его на землю, шагая дальше. Но нет.

Он вновь упал, без сил барахтаясь в траве. Силы покидали его вместе с кровью, тёкшей из

раскрытой раны. Однако это лишь придавало решимости. Он понимал, что является последней надеждой для неё.

Наконец, он ползком, оставляя длинный след крови на зелёном лугу, влез на холм и увидел впереди пульсирующий портал. Энергия чужого мира пожирала всё живое вокруг, создавая выжженный пустырь и уничтожая каждое живое существо, осмелившееся подойти ближе.

Ифимах застыл на вершине, снял с плеча лук, накладывая на тетиву стрелу. Он взглянул вниз и только обрадованно вздохнул: «Успел». К порталу медленно подъезжала телега, поверх которой стояла клетка с девушкой. Ведомая двумя мулами, которых за поводья держал высокий лев, она неукротимо двигалась вперёд по бездорожью. Следом шагали ещё трое, они были вооружены до зубов, как и все наёмники Менеба. Однако ни количество врагов, ни оружие так и не смогли напугать умирающего Ифимаха.

— Вот мы и встретились, — улыбнулся ас’гул, глядя на Аррию.

Он поднялся. Покачиваясь шагнул вперёд, натягивая тетиву, которая через мгновение щёлкнула. Сорвавшаяся стрела описала дугу и вонзилась прямиком между глаз шедшего позади льва. Попадание придало ас’гул сил. Он наложил новую стрелу и вновь выстрелил в опешивших синладцев, но в этот раз промахнулся. Лев уклонился от стрелы, а в лапах его уже блестел ятаган.

Меч Ифимаха быстро порхнул в некогда ослабшие руки, а ноги несли его вниз на большой скорости. Аррия, до этого застывшая в удивлении, разинула рот, увидев живого друга. Она провела его взглядом, покуда тот бежал к решётке. С силой рубанув по замку, висевшему на двери клетки, Ифимах освободил возлюбленную.

— Беги, Аррия! Я задержу их. Беги! — выкрикнул он, бросаясь на ближайшего льва и разрезая его ухо.

Синладец взвыл, но тут же рубанул ятаганом, натолкнувшимся на крепкую оборону из стали Сизых Гор. Контратака Ифимаха повалила льва, и, раненый в правое лёгкое, он задыхаясь застыл на земле.

— Беги за девчонкой! — вскрикнул, по-видимому, вожак.

— Нет уж, — прохрипел Ифимах, быстро натягивая тетиву. Стрела вонзилась в затылок бегущему льву.

— Зря мы тебя не убили! — зарычал вожак, впиваясь в шею Ифимаха острыми зубами.

Клыки порвали артерию ас’гул, но не помешали ему крикнуть вдогонку Аррие:

— Твой отец жив! Он ищет тебя!

Рука Ифимаха судорожно дёрнулась к мечу, но тут же без сил повисла. Тело мужчины обмякло, а вскоре и вовсе упало лицом в траву. Его испуганный взгляд застыл навсегда.

http://tl.rulate.ru/book/26237/586980